

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

В 2008 году один из лучших русских кинорежиссёров Владимир Хотиненко снимал художественный фильм “Поп” по моей книге и киносценарию, который я написал под его руководством. Мы даже шутили, что, работая на этом сценарием, я прошёл ускоренный курс кинодраматургии в мастерской Хотиненко.

Наше знакомство началось в ресторане Центрального дома литераторов летом 2005 года. Нас пригласил туда генеральный директор издательского и кинопродюсерского центра “Православная энциклопедия” Сергей Кравец. Через три года намечались торжества по случаю восьмидесятилетия Патриарха Алексия II.

— Мы советовались со Святейшим, — сказал Кравец. — Предлагали снять художественный фильм о нём, о каком-нибудь, скажем, случае из его жизни, но он не хочет. Говорит: “Снимите лучше фильм о таких людях, как мой отец. Которые во время войны спасали людей, вытаскивали их из концлагерей, помогали выжить. Это и будет мне лучший подарок”.

С беседы в писательском клубе и началась работа. Мне предложили написать литературную основу для сценария, предоставили кучу документов о Псковской Православной миссии в годы войны, и я написал роман “Поп”. Вскоре книга вышла в издательстве Сретенского монастыря по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

По этой книге сначала заказали сценарий одному известному кинодраматургу, но у него не заладилось. Обычные, избитые кинематографические приёмы не подходили к теме, а тем временем наступил 2008 год, пора была снимать фильм, актёры прошли пробы и получили одобрение, а сценария всё не было. И тогда я взялся писать его сам. Приносил готовую рукопись Хотиненко, он предлагал что-то убрать, что-то сократить, что-то дописать, и я переделывал сценарий, в общей сложности, пять раз. И вот летом начались съёмки.

Мне страшно интересно было понаблюдать, как герои моей книги будут превращаться в зримых персонажей фильма. Честно скажу, поначалу даже брала некая оторопь, испуг, смешанный с блаженством.

Основная часть натурных съёмок проходила на съёмочных площадках “Беларусьфильма” в живописном месте Смолявичи в полчасе езды от Минска, на берегу озера. Когда я приехал туда и увидел первые отснятые кадры, меня охватило сильнейшее волнение. А когда Хотиненко показал мне эпизод благословения советского танка, слёзы подкатили к горлу, я ушёл в лес, чтобы никто не видел, и там расплакался.

И начались счастливейшие дни моей жизни. Каждое утро мы отправлялись в Смолявичи, и я участвовал в съёмочном процессе: нередко, если надо, что-

то срочно допридумывал, дописывал, переписывал, чтобы актёрам легче было сыграть, или если режиссёр на ходу менял идею той или иной сцены.

Я сразу понял, что литература и кино – вещи очень разные, и нельзя требовать точной экранизации романа, поскольку книга и фильм не одинаковыми приёмами воздействуют на читателя и зрителя. Можно даже сказать, что читатель и зритель – разные люди. Даже если это один и тот же человек. И поскольку я быстро осознал это, мне очень легко работалось с Хотиненко, а ему со мной. Мы ни разу не поспорили, не то что не поругались. Это был удивительный и, как говорят, редкий случай согласия автора с режиссёром.

Почему так сошлось? Я теперь знаю, что не только и не столько потому, что мы такие хорошие Александр Юрьевич и Владимир Иванович, а главное – потому, что над нами парило благословение святого человека – нашего незабвенного Патриарха.

Осенью съёмки проходили в павильонах “Мосфильма”, и я тоже старался не пропустить ни одного дня. А в декабре съёмочный период заканчивался снова в Смольявичах – натурные эпизоды зимы, осени и весны. В кино всем приходится играть свою роль. Вот и декабрю приходилось изображать то октябрь, то апрель, то февраль, и лишь изредка быть самим собою.

Неожиданно и мне досталась эпизодическая роль. Снимали эпизод немецкого Рождества. Перепившиеся фрицы жгут ель, тарыхтят вокруг неё на мотоциклах, распевают самое распространённое в Европе рождественское песнопение “Тихая ночь, святая ночь”. Ребята из белорусской студии исторической реконструкции, игравшие немцев, знали только военные марши и попросили меня научить их петь это самое “*Stille Nacht, heilige Nacht*”. Я стал им напевать, и один из них предложил:

– Так это, давайте нарядим нашего автора фрицем, посадим среди нас, и пусть он поёт, а мы ему будем подпевать.

Так я стал “фашистом”. Даже придумал себе образ: конец 1943 года, Гитлер объявил тотальную войну, и меня, школьного учителя Отто Кугеля, вытащили из тёпленного уголка в Тюрингии, бросили в эту страшную, непонятную, чудовищную *Руссланд*, я хожу, морщусь, боюсь всего, а на Рождество напиваюсь и громче всех пою “*Stille nacht, heilige Nacht*” – “Тихая ночь, святая ночь...” А ещё громче, как заклинание: “*Krist der Retter ist da!*” – “Христос Спаситель здесь!”

Сняли меня первым же дублем, без повторов. Сергей Маковецкий, исполнитель главной роли в фильме, приветствовал меня:

– Поздравляю, вы теперь тоже актёр.

Это было в самый последний съёмочный день, и вечером мы могли позволить себе втроём малость раскрепоститься в минском ресторанчике неподалёку от гостиницы – автор, режиссёр и исполнитель главной роли. И песни мы дружно распевали, возвращаясь в гостиницу, но уже не немецкие, а наши.

Благословение Святейшего Предстоятеля мы чувствовали постоянно. У нас как-то всё очень хорошо складывалось, а если возникали неожиданные трудности и препоны, то и они шли нам только на пользу. К примеру, с тем же “рождественским” эпизодом. Там немцы должны были, напившись, сжечь избу одного из сельчан, который отказался предоставить им для развлечения своих дочерей. Уже сняли сцену, как он их посылает куда подальше. Вдруг от руководства “Беларусьфильма” приходит распоряжение избу не жечь, поскольку эта декорация принадлежит им. Там что-то напутали, но разбираться некогда, потому что наступал последний день съёмки.

И вот накануне этого последнего дня Хотиненко говорит мне, что надо чем-то заменить горящую избу, потому что он хочет, чтобы всё-таки в этом эпизоде присутствовало полыхающее пламя. Я подумал и предложил ель. Большую такую, горящую. Как символ Рождества, переплетённый с символом пылающей войны. Решили: пусть будет ель.

А вечером в гостинице я смотрел телевизор, шла передача про Ленни Рифеншталь, и показывали отрывки из её фильма “Триумф воли”, а там нацисты как раз жгут огромные костры, конусообразные и высокие. Вот вам и горящая ель – как напоминание о тех удачных для гитлеровцев днях, когда у них всё только начиналось, и в ночное небо взвивались огни пылающих конусов.

И много ещё можно вспомнить таких удачных находок.

Пасху тоже снимали в декабрьские дни. Снег не торопился, и декабрю вновь пришлось играть роль другого месяца – весеннего. Небеса стояли над нами хмурые, строго наблюдая за тем, что мы тут на земле вытворяем и с какой это стати ходим пасхальным крестным ходом вокруг гипсокартонового храма, поём “Воскресение Твое, Христе Спасе...” и на возглас актёра, одетого священником, отвечаем: “Воистину воскрес!”, в то время как до Пасхи далеко и Рождественский пост требует смирения и тихой деятельности. Но в итоге на третьем или четвёртом дубле крестного хода небесам понравилась наша игра в Пасху, и они ответили тем, что раздвинули облака и бросили нам могучий луч солнца.

– Надо же! – восхищался Хотиненко. – И впрямь – будто пасхальная радость!

И все почувствовали счастье. С другого берега озера снимали дальний план – вид на церковь и крестный ход – и ликовали так, будто и впрямь наступило Светлое Христово Воскресение...

И в этот светлый и благодный миг нашему режиссёру позвонили, он выслушал, затаив дыхание, и сказал:

– Понятно. Не могу найти слова...

А потом горестно сообщил нам, что сегодня не стало главного заказчика нашей картины. Это было 5 декабря – день кончины нашего незабвенного Патриарха.

В минских храмах, куда мы постоянно ходили перед тем, как отправиться на съёмки, на следующий день портреты усопшего Предстоятеля стояли, утопая в цветах, прямо при входе, и прихожане, прежде чем войти в церковь, становились на колени и прикладывались к светлому лику того, кто благословил нас на наш труд, кто благословлял нас всех в эти долгие тяжёлые годы очередной русской смуты. Благословлял на смирение, на братскую любовь, на терпение, а кого-то и на подвиги во имя Христа, во имя нашей великой Родины.

Было у этого фильма ещё одно благословение, весьма необычное. Во время летних съёмочных дней мы работали над эпизодом, когда избитого на допросе отца Александра следователь выводит из храма, его сажают в кузов грузовика вместе с солдатами и увозят. В сценарии я написал, что отец Александр спокойно сидит в кузове и на прощание благословляет детей, паству, весь мир. Но у режиссёра своё виденье сцены, более мудрое. Отец Александр выходит из храма, осеняет себя крестным знамением, благословляет детей... Но когда он сидит в кузове отъезжающего грузовика в окружении солдат, он уже с ними, и как бы тоже воин, тоже в их рядах. Если бы он при этом посылал крестное знамение, а они нет, не получилось бы такого единства с ними! И Хотиненко смог убедить меня в этом. И действительно, получилось сильнее, нежели в изначальном замысле.